

2000/2

АПРЕЛЬ - ИЮНЬ

ISSN 1563-4426

СОЦИОЛОГИЯ:

**ТЕОРИЯ,
МЕТОДЫ,
МАРКЕТИНГ**

ИНСТИТУТ СОЦІОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ

ВЛАДИМИР КАЛЮЖНЫЙ,

кандидат физико-математических наук, доцент механико-математического факультета Харьковского национального университета им. В.Каразина

Критичность и идентичность

**(по страницам и между строк книги А.Тягло и Т.Воропай
“Критическое мышление”)**

Тягло А.В., Воропай Т.С. Критическое мышление: Проблема мирового образования XXI века. — Харьков: Изд-во Университета внутренних дел, 1999. — 285 с.

Проблемы критичности и идентичности относятся к числу вечных. Факел критичности освещал первые шаги человека разумного. Навыки неформального мышления складывались в связи с необходимостью отличить съедобный гриб от ядовитого, настоящего друга от фальшивого, подлинную любовь от мнимой.

Столь же рано возникает у живого существа потребность отождествить себя с чем-то большим, надежным: семьей, родом, племенем. Есть и другая тенденция — противопоставить себя окружению, выявить свою индивидуальность. Тем самым обозначенные в заголовке проблемы относятся к числу экзистенциальных.

Критичность — векторна, центробежна, идентичность — центростремительна. Первое — разъединяет, второе — сосредоточивает, концентрирует.

С другой стороны, критичность двойственна толерантности. “Подвергай все сомнению”, — настаивал философ. “Давайте говорить друг другу комплименты”, — призывал поэт. Корни критичности уходят в седую древность. Идентичность смотрится свежо, молодо, интригующе.

Критичность — специфическое мироотношение. Оно может реализовываться в различных модусах. Критичность А.Тягло — академична, выверена; критичность Т.Воропай — импульсивна, лирична. Первый автор занимался ранее вопросом толерантности, второй — проблемой понимания. И это не прошло им даром. Третья глава

посвящена соотношению критицизма и толерантности в обществах различных типов; герменевтике посвящены несколько глав части 3.

Взялся за критичность — не говори, что не дюж. Авторы совершенно не пасуют перед авторитетами. Здесь женское авторское начало даже смелее.

В Украине А. Тягло является единственным человеком, активно развивающим и пропагандирующим критическое мышление и неформальную логику [см.: 1].

Книга имеет своеобразную композицию. Раздел, написанный Т. Воропай (с. 70–217), представляя номинально лишь одну часть из четырех, является сердцевинной работой и раскрывает тему в контексте гуманитарных наук. Ему предшествует описание истоков (гносеологических и социальных) этого феномена. Завершает же книгу разворот проблемы в сторону современного образования. Говорить о сбалансированности текста, гармонии его составляющих трудно. Одни разделы весьма масштабны, другие до обидного малы (две-три страницы). Образ автора книги по мере движения в пространстве текста трансформируется.

Задуманная в прагматическом ключе (оптимизация преподавания), книга касается и весьма изощренной чисто философской тематики. Тем самым работа будет интересна и широким преподавательским массам, и кругу интеллектуалов, озабоченных проблемами постсовременности. В частности, интригует вопрос, в какой мере концепция критического мышления (деконструкции) сама устойчива к критике.

Общее представление о *критическом мышлении* доступно каждому. Его основания авторы обнаруживают всюду: в гуманитарных и естественных науках, диалектике и деконструкции, Курта Геделя и Карла Поппера. В сущности, она в природе человека.

В философии критичность пустила многочисленные ростки. Критика разнообразных форм разума была поднята на небывалую высоту (Сократ, Кант, Поппер). Ее представляет и позиция Абеяра, пытавшегося не поступиться принципом “понимаю, чтобы верить” (с. 20–22). В то же время проблема строгого содержания соответствующего термина требует дополнительной проработки.

В качестве отправной точки можно взять приводимую во введении и принадлежащую Ричарду Паулю “рабочую версию: критическое мышление — мышление о мышлении, когда вы размышляете с целью улучшить свое мышление” (с. 5). Что касается генезиса этого концепта, то еще в 1938 году аргумент в пользу введения соответствующего предмета в образовательную систему США звучал так: “критическое мышление — часть подготовки граждан, вовсе не искушенных в политических манипуляциях диктаторской власти, к жизни в лояльном и демократическом обществе” (с. 10). Первая версия располагает критическое мышление в психологической плоскости (*забота о себе?*). Вторая подчеркивает его социальный характер.

В то же время закономерны вопросы: что значит “улучшение мышления”, по каким критериям можно сравнивать те или иные его формы (разновидности)? К сожалению, жизнь учит, что “прав тот, у кого больше прав”, а не тот, чье мышление совершеннее. Часто можно видеть, что более эффективным является использование лжи, демагогии, а не убедительных, корректных аргументов. Так не должно ли критическое мышление стать орудием самозащиты добропорядочных граждан от превосходящих сил дезинформации и популизма?

Для того чтобы получить панорамную картину обсуждаемого феномена, анализа дефиниций недостаточно. Необходимо представлять себе круг лиц, причастных к разработке проблемы, а также основополагающий корпус текстов. Информацию об этом мы можем почерпнуть в гл. 2 части 4. К числу отцов-основателей рассматриваемого направления прежде всего следует отнести видного философа современности С. Тулмина, выпустившего в 1958 году монографию “Использование аргумента”. Еще одной “библией” критического мышления является труд Пе-

рельмана и Ольбрехт-Тытеки “Новая риторика”. На с.223 приводятся сетования организаторов Первого международного симпозиума по неформальной логике на то, что упомянутые произведения не были своевременно оценены. Тем приятнее отметить, что одна из книг Тулмина “Проблема понимания” была переведена на русский язык еще в 1983 году, а главы из “Новой риторики” стали доступны в перестроечное время [2]. Это, между прочим, подтверждает общую мысль о связи критического мышления с демократической эволюцией. Тулмин подчеркивал, что “функции аргументации более богаты и разнообразны, чем простое развитие посылок в заключения”, делал упор на анализ повседневных рассуждений (с.224). Принципиальной представляется критика Тулминым традиционного логико-философского воззрения (от Лейбница до раннего Витгенштейна) на изоморфизм реальности и языкового описания. Суть перехода “от традиционной рациональности к современной разумности” состоит в переносе интереса с *суждений* на *высказывания*, с *универсальности законов*, на *единичности конкретных ситуаций* (с. 61–63). Решающий вклад в изменение классической парадигмы внесли поздний Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Серль. Созданная этими учеными теория речевых актов [3] кардинальным образом преобразила современный логико-лингвистический ландшафт. Ее важность для генезиса критического мышления обосновывается в разделе 2 части 2. Не меньшее значение имеет эта теория и для гуманитарной составляющей (часть 3) обсуждаемой монографии (см. с. 107, 127).

Обратимся еще раз к аргументам Ричарда Пауля, обосновывающим актуальность критического мышления (с. 6). Речь идет о том, что в нашем бурно развивающемся мире “никто не может выжить с одним простым способом мышления”. Стало быть, нужно усложнять мышление вдогонку усложняющемуся миру. Но не скрывается ли за этим раскритикованная Тулминым идея изоморфности мира и его логико-лингвистической модели?

Концепция *критического мышления* тесно связана с *неформальной логикой*. Отмежевываясь от некоторых ее приверженцев, А.Тягло считает неоправданным отказываться от “формализации и чисто формальных средств исследования мышления” (с. 59).

Критическое мышление трудно удержать в жестких рамках. Но речь не идет о критицизме без берегов. Неотъемлемой составляющей обсуждаемого феномена является и терпимость к иному мнению. “Толерантность¹ и критицизм являются двумя манифестациями единой сущности — свободы” (с. 49). Этот вывод делается после глубокой проработки данной проблемы на основе изучения трансформации фундаментальных культурологических оппозиций “свое–чужое”, “мы–они” (с. 29–49).

Постановка вопроса о диалектической логике как основании критицизма вполне правомочна (с. 64–69). Но не лучше ли было отыскивать начала в немецкой классической философии, а не у российского дилетанта?

Критичность присуща различным стилям мышления. Несомненно, что “критическое мышление — характерный атрибут научного познания” (с. 19), но оно органично и гуманитарному познанию (часть 3).

Гуманитарная мысль пульсирует в текстовом круге. Путь “от сердца к сердцу” не всегда является самым коротким. Он опосредуется движениями “от сердца к тексту” и “от текста к сердцу”. И хотя в центре гуманистической проблематики находятся *жизнь, человек, история*, средой ее обитания оказывается текстуальность. Размышления над этими проблемами содержатся в разделах 1 и 2 части 3. Под-

1

Этой проблеме был посвящен ряд работ первого из авторов монографии.

спудной темой этих разделов (скрытым лейтмотивом) является проблема идентичности. Но рассматривается она сквозь призму дискурса.

Взгляд на природу текста выявляет значительный диапазон идей и установок: от *прозрачности* до *затемненности*, от *жесткости (однозначности)* до *множественности (многомерности)* (с. 70). Мы видим, как на протяжении всей истории гуманитарное познание взыскует универсального метода понимания и интерпретации. На роль хранительницы очага дома бытия претендует герменевтика. Уже Шлейермахеру была ясна недостаточность “грамматики и диалектики”, которые не идут дальше определения темы произведения. Важное наблюдение находим на стр. 75: “...позиция Шлейермахера нашла сегодня свое развитие в теоретических взглядах Поля де Мена, считающего, что... риторическое измерение языка является определяющим для искусства литературы, то есть определяет “литературность” как таковую”. Воззрения американского исследователя еще не нашли интерпретатора в нашей литературе. Тем внимательнее надо отнестись к сказанному.

Феномен *литературности* представляет самый широкий интерес. Знаменателен выход одновременно с обсуждаемой монографией статьи [4], рассматривающей эту проблему на конкретном материале. Отталкиваясь от классических работ Ю.Тынянова, Р.Поддубная полемизирует с Набоковым¹ и Лотманом. Это показывает, что проблема *литературности* питается разнообразными источниками и находится на пересечении различных исследовательских стратегий.

Следующей новацией, содержащейся в разделе 1, является апелляция к “экспрессивистскому повороту” Чарльза Тейлора, относимому к концу XVIII века. В следующем же столетии мы становимся свидетелями “схватки” за герменевтическое “наследие”. Если взгляд Дильтея был обращен к “внутренней реальности”, духовной жизни, то Риккерт глядел “поверх барьеров”, улавливая смысловые образования лишь в сфере сверхчувственного (надэмпирического) (с. 75–80). Как проявление стремления критического мышления к точности можно рассматривать предложение П.Рикера разделить терминологически два феномена: погружение в другое сознание и проникновение в текстовое образование (с. 72).

В разделе 2 части 3 предлагается совершить непростое восхождение к заоблачным вершинам “онтологии понимания”. Если при этом у читателя захватит дух, то это будет в порядке вещей. Пионером, взобравшимся на крышу “дома бытия” и водрузившим там штандарт Dasein, был, разумеется, Хайдеггер. В указанном разделе вводится в философский оборот статья “Гельдерлин и сущность поэзии”. Осуществляя то, что позже было названо в народе деконструкцией, Хайдеггер утверждает, что не язык является материалом литературы (это было бы прямо по Лотману), а “именно поэзия делает язык возможным” (с. 84).

Под конец мы знакомимся с мичуринской попыткой Рикера осуществить “прививку герменевтики к феноменологии”. На этом заканчивается экскурсия по святым местам философской классики, и читателю предстоит окунуться в бурную постсовременность.

Раздел 3 — “Деконструктивизм — современный проект критического мышления” — наверняка станет наиболее читаемым в книге. Ведь речь идет о заметном интеллектуальном течении (в мутных водах иррационализма).

Взгляд на Ницше как предтечу деконструктивизма (гл. 2), конечно же, имеет под собой основания. Хотя от установления факта родства выигрывает, прежде всего, постмодернизм. Ряды маргиналов пополняются профессионалом по части сокрушения кумиров.

1

Оригинальный анализ произведений этого автора (еще одно совпадение?) выполнен в разделе 4 части 3.

Ницше любил приговаривать “мы, филологи”. В его работах разбросано множество тонких наблюдений. Озадачивает, однако, отсутствие реакции со стороны коллег по лингвистическому цеху. Яркие афоризмы Ницше используются скорее для декорирования, нежели в качестве идейной основы. Свой среди чужих, чужой среди своих, философ и впрямь воспринимается как маргинальная фигура.

Наиболее животрепещущ вопрос о *деконструкции*. С истинно филологическим тщанием анализирует Т.Воропай это слово: “оно означает не только “разрушать” и “уничтожать”, но, прежде всего, — упорядоченно сносить и расчищать. “Деконструировать” — означает разбирать, упорядочивать, перекладывать” (с. 94). Эти слова б да Дерриде в уши! Но нет, не хочет самый высокооплачиваемый в мире философ соглашаться со сколь бы то ни было позитивным толкованием своего детища. Ведь тогда ему бы пришлось распрощаться с приличной статьёй дохода от постоянного перетолкования этого понятия.

И все же для Деррида сложно сохранять монополию на деконструкцию. Существует влиятельная группировка, известная под кодовым названием “Йельская школа”, представляющая американскую версию деконструктивной критики (гл. 3). Правда, и тут французский дифферансист умудрился стать соучредителем общества с довольно-таки ограниченной ответственностью за сказанное. Попытаемся вникнуть в типичный тезис упомянутой школы: интерпретировать текст — значит переосмыслить его в контексте его индивидуального своеобразия, применительно к истории, которая рассказывается (с. 102). Звучит, казалось бы, нейтрально, но вызывает вопросы. Как выявить *своеобразие* текста? Употребить дополнительную дозу деконструкции или использовать традиционные методы анализа текста? Должно ли *переосмыслению* предшествовать *осмыслению*? Почему основное внимание уделено истории, то есть фавуле, а остальные структурные компоненты остались за бортом рассмотрения? Не вполне согласуется со званием “деконструктивной” попытка “новой критики” создать соответствующую *методологию* (с. 105), ведь сколько раз твердили миру, что деконструкция *не метод*. Более того, желание работать с *целостными блоками значений* разбивается о тезис Деррида относительно *радикальной множественности и дифференциации значений* (с.113). Вместе с Т.Воропай мы можем сделать следующий вывод: “критика не может избежать процедуры собственной деконструкции” (с. 102).

Наибольшего накала проблема взаимоотношения между классическим подходом к проблеме текста и его восприятия и новомодными воззрениями достигает в гл. 4. Протагонистами заявленных точек зрения выступают Гадамер и Деррида. И если на одну чашу весов ложится *смысл*, то на другой оказываются следы, линии, штрихи, точки и закорючки. Консенсусу, коммуникативности противостоит размытость, неопределенность, разобщенность (с.115). Исход противоборства не предрешен, но в заключение приводится авторитетное мнение Дж. Серля не в пользу деконструктивизма.

Отношение самих авторов к феномену *деконструкции* вполне академично (толерантность). Но в то же время было бы странно, если бы критическое мышление совсем отказалось от иронии. Так, в адрес первооткрывателя “смерти автора” говорится: “Бартовский скриптор смахивает, правда, больше на графомана, чем на художника. Увлечшись своей метафорой, Барт доводит ее до реализации, и глубокая проблема автора превращается в апологию псевдолитературы эпохи всеобщей грамотности” (с. 127). Здесь вскрыт общий для постмодернизма недуг — злоупотребление метафорикой, доведение ее до абсурда.

Совершенно особое место в книге занимает раздел 4 “Проблема автора в контексте критической герменевтики” (объемом более ста страниц). На первые роли здесь выходит не столько критичность, сколько креативность творческого мышления. Фактически мы имеем дело с монографией в монографии (*текст в тексте*).

Но размахнуться на рецензию в рецензии мы не в состоянии. Лишь обсудить содержание раздела (десять глав) уже представляет собой непростую задачу.

Мы сталкиваемся со специфическим жанром — органичным синтезом философствования и литературоведения, ведь “проблема автора — это проблема человека” (с. 119). Проанализировав выше два полярных взгляда на рецепцию текста, Т.Воропай получает уникальную возможность синтезировать их в своем подходе.

Для постмодернизма типично выносить скороспелые суждения, не усвоив всех тех богатств, которые выработало человечество. Совершенно справедливо критикуется Барт за поверхностную аналогию между письмом и перформативным высказыванием (с. 127). Филология от постмодернизма любит растекаться мыслью по абстрактному (отвлеченному) тексту при полном безразличии к реальным (конкретным) литературным произведениям. В поле же зрения Т.Воропай попадают замечательные создания XX века: эпопея Пруста, романы Набокова, литературные опыты Эко; она обращается к именам Верлена и Малларме, Борхеса и Кортасара...

Следующий фрагмент, не будучи в состоянии отразить всю сумму разрабатываемых идей, демонстрирует, однако, глубину проблемы: “Образ автора как совокупность его приемов... является только авторской маской, навязывающей читателю свою интерпретацию произведения... Авторская маска призвана компенсировать недостаток человеческого начала во фрагментарных, разорванных и нарочито хаотических дискурсах постмодернистской литературы и зачастую является единственным реальным героем повествования, не уверенным, однако, в своей “повествовательной идентичности”. Агрессивно-вездесущий и подчеркнуто-ироничный образ автора — признак слабости, а не силы, эстетической неуверенности, а не мастерства” (с.148).

Заканчивая обзор новинки, рецензент вынужден признать, что коснулся лишь некоторых “выбранных мест”, выйдя в то же время за рамки отзыва. Это значит, что в его руках находилась не просто *книга-источник знаний*, а *текст-генератор смысла*. В этом качестве труд харьковских философов становится заметным явлением интеллектуальной жизни в Украине.

Литература

1. См.: Логика критического мышления. — Харьков, 1997; Логика с элементами критического мышления. — Харьков, 1999 и др.
2. Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
3. С этой теорией можно познакомиться по сборникам переводов “Новое в зарубежной лингвистике”, вып. 16–18.
4. Поддубная Р.Н. О литературности “Евгения Онегина” Пушкина // Вестник ХГУ. — 1999. — № 449.